

УДК 821. 161. 1-31
ББК 84 (2Рос = Рус) 6-44
А13

Серия «Эксклюзивная новая классика»
Дизайн обложки *Е. Ферез*
В книге и на обложке использованы иллюстрации
Виктории Кирдий

Абгарян, Наринэ.

А13 Понаехавшая / Наринэ Абгарян.— Москва:
Издательство АСТ, 2019.— 220, [3] с.— (Эксклюзивная
новая классика).

ISBN 978-5-17-091170-7

«Понаехавшая» — история жизни маленького человека в большом городе. История смешная, немного горькая, но, безусловно, добрая.

У каждого понаетавшего своя Москва. У героини этой книги город именно такой, каким она захотела его увидеть: шумный, бестолковый, но удивительно незлобивый — благодаря чудесным людям, готовым предложить помощь именно тогда, когда, казалось, ждать ее не от кого.

Быть понаетавшим не так уж и сложно, когда вокруг есть те, о которых потом, спустя десятилетия, вспоминаешь с любовью и благодарностью.

Подписано в печать 11.07.2019.
Формат 76 x 100 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 9,8.
Доп. тираж 4000 экз. Заказ

© Наринэ Абгарян, 2015
© Виктория Кирдий, иллюстрации, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Автор благодарит своих замечательных подруг,
понаехавших и не очень:

Елену Тришину
Викторию Кирдий
Каринэ Учитель
Марину Карая
Наринэ Папян
Светлану Анохину
Заиру Абдуллаеву

и любимого редактора Ирину Епифанову —
за всестороннюю поддержку и вообще.

Все события и имена в этой книге придуманы,
за случайные совпадения
автор ответственности не несет.
Если что, у автора имеется оправдательная справка
из соответствующего учреждения.

Глава первая

ЗНАКОМСТВО С ПОНАЕХАВШЕЙ

Петровка — улица недлинная и достаточно бестолковая. На тротуарах сваявшись сугробами лежит подтаявший снег — не пройти, не протолкнуться. Любой мчащийся мимо автомобиль норовит окатить с ног до головы холодной грязной жижей. Декабрь 94-го выдался слякотным и отходчивым на морозы — все, что намело ноябрем, вся мелкая и колючая снежная крупа, нещадно летящая в лицо и норовящая забиться под воротник,— все это таяло и исходило капелью, оставляя серые потеки на боках невысоких старых зданий.

Кругом царил торговый дух: от станции метро «Кузнецкий Мост» и до ЦУМа тянулись ряды из складных столиков, густо заставленных книгами, оренбургскими платками, самоварами, старыми швейными ма-

шинками, водкой, упаковками непривычно вкусной импортной жвачки «Ригли» и батончиками «Марс» и «Сникерс». Там и сям аккуратными горками высились диковинные пушистые фрукты киви и гроздья желтых, спелых бананов. Киви стоили каких-то бешеных денег, поэтому люди их брали поштучно.

— Просто попробовать,— зачем-то объясняли продавцам.

Вдоль стихийно образовавшихся торговых рядов всполошенным пунктиром передвигалась высокая, тощая и носастая девица. На голове дыбилась кусачая вязаная шапка, из-под торчащего колом черного пальто струились убийственно длинные, тонкие ноги. Девица крепко прижимала к груди большую немного обтрепанную кожаную сумку со спорным логотипом «Shanel» на боку. Сумка была особенной гордостью девицы. Стоила она целых тридцать долларов, практически двухмесячную мамину зарплату, и служила хозяйке верой и правдой уже четвертый год.

— Ты, главное, не выпускай ее из рук, особенно в метро! — напутствовала мама, собирая дочь в далекую Москву.— Прижимай локтем к боку и не расслабляйся — времена темные, воры не дремлют, вырвут сумку, и останешься без денег и без документов.

Уезжать девица всячески упиралась, но родители настаивали на своем, наскребли по сусекам какое-то количество денег, перевели на ереванской толкучке в валюту — получилось целых двести долларов, и снарядили дочь в Москву — за вторым высшим образованием.

— Моя девочка будет кандидатом наук! — предрекал папа.

— А может, и профессором,— улыбнулась мама.— Ты — наша гордость.

— Ну чего вы? — расплакалась дочь.

Аэропорт был забит до отказа — измученные войной и беспросветной блокадой, люди покидали родину целыми семьями. Плакали дети, причитали женщины, хмуро курили по углам растерянные отцы семейств. Это был великий и страшный исход — в Россию и дальше, за рубеж, туда, где можно было хоть как-то прокормиться и не бояться за будущее своих детей.

— Не хочу уезжать,— обняла девица маму.— Куда я поеду, когда вы остаетесь здесь?

— Все будет хорошо. Ты справишься, я знаю.

Перед тем как скрыться в зале ожидания, она обернулась, выхватила взглядом из толпы провожающих родителей. Папа несколько раз сдержанно кивнул, мама старательно тарачилась, чтобы не разреветься. Она что-то крикнула, но расслышать было невозможно, кругом гомонила толпа, все прощались с родными.

— Не слышу! — покачала головой дочь.

Мама сделала такое движение, словно прижимает сумочку локтем к боку. И улыбнулась сквозь слезы.

Прижимать к боку сумку девица не умела. Длинные тонкие руки топорщились во все стороны острыми локтями и целомудренно складываться вдоль тела категорически не желали. Поэтому, во избежание ограбления, лямка сумки перекидывалась через плечо, а сама сумка прижималась сцепленными крест-накрест руками к груди. Во-первых — не украдут, во-вторых — тепло, да и заглушает немилосердное урчание в животе. А урчать животом девица ой как умела! Это было

скорее даже не урчание, а какое-то катастрофическое клокотание — с тонким завыванием, переходящим в приглушенный рык. Нашей героине было двадцать три, и она постоянно хотела есть. И спать.

Такое странное поведение организма объяснялось сменой климата: когда переезжаешь в другую страну, какое-то время приходится вести практически растительный образ жизни. Недавно девица поставила личный рекорд — проспала стоя, уткнувшись лбом в дверь с грозной надписью «НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ», всю серую ветку метро, от станции «Пражская» до станции «Алтуфьево». И если бы не сердобольная тетечка, которая отодрала ее от надписи и вывела из вагона, то проснулась бы она в депо, или куда там дальше уходят эти быстрые подземные поезда.

В другой раз девица уснула за ужином, и квартирная хозяйка тетя Поля чуть не отдала богу душу, застав на кухонной табуретке сосредоточенно сопящее мрамор-

ное изваяние. Проснувшись с утра, девица обнаружила у себя на прикроватной тумбочке маленькую иконку Божьей Матери.

— От сглазу,— назидательно выговорила тетя Поля.— А то ишь чего надумала — за столом засыпать. Где это видано? Замучилась тебя до кровати волочь.

— Я не специально!

— А то я не вижу, что не специально!

На Петровке девица оказалась не случайно. Сегодня в центральном офисе банка «Золотой Век» проводилось собеседование. Банк набирал девушек для работы в обменный пункт, который в скором времени должен был открыться в гостинице «Интурист».

— Вежливость, коммуникабельность, знание английского языка. Интим не предлагать! — зачитывала в трубку Аля Шелгунова, однокурсница нашей героини.

— Откуда у тебя это объявление? — встрепенулась девица.— И с какой стати работник должен предлагать интим?

— Ой,— хихикнула Аля,— тут я маху дала! Интим обычно работодатели предлагают.

— Как это маху дала? Ты что, сама его составляла?

— Ну да! Мать устроилась бухгалтером в банк. Попросила составить грамотное объявление о наборе девушек. Работа — сутки через трое.

— Аль! А может, мне попробовать? Я вежливая, коммуникабельная, и английский у меня неплохой.

— И интим не догадаешься предложить! — не преминула ввернуть Аля.

— Ну да,— скорбно согласилась наша героиня,— не предложу. Мне, главное, какую-нибудь работу найти, а то жить практически не на что.

Жить действительно было не на что, устроиться на неполный рабочий день не получалось. Какое-то время она подрабатывала няней в семье с двумя разномастными детьми трех и пяти лет. Дети полюбили ее с первой минуты и ходили за ней хвостиком. Родители, Андрей и Наташа, занимались продажей подержанных иномарок — очень прибыльный в 90-е бизнес. Андрей уходил на работу ни свет ни заря, Наташа дожидалась прихода няни и тоже уезжала в офис. В обязанности нашей героини входило всего ничего, как то: с боем накормить детей, ибо по-другому они есть не умели, уложить их на полуденный сон, тоже с боем, а также с песнопениями, ритуальными танцами народов Крайнего Севера и другими шаманскими телодвижениями. Пока дети спали, няня успевала подготовиться к завтрашним занятиям и немного прибраться в квартире. Уборка в ее обязанности не входила, но сидеть со сложенными руками, видя, в каком загнанном виде возвращаются с работы Андрей с Наташей, было выше ее сил.

Часам к пяти нужно было поднять детей, накормить их полдником и вывести погулять. Гуляли до последнего ребенка на площадке, ибо другого способа вернуть подопечных домой няня не знала — любая попытка увести их с игровой площадки, если там ковырялся хотя бы один заваливающий чужой ребенок, заканчивалась горькими слезами и всевозможными истериками. Хорошо, что на дворе стоял октябрь, тем-

нело рано, и часам к семи двор пустел. Последней с площадки ретировалась наша героиня с вверенным ей многочисленным хозяйством — двумя перемазанными до бровей детьми, крякающей уточкой на колесиках, всевозможными лопаточками и формами для лепки песочных куличей, большим автоматом, плюющимся красным огнем, и длинным сачком для ловли бабочек. Без сачка дети наотрез отказывались гулять.

По возвращении домой сначала всей дружной компанией приводили в божеский вид верхнюю одежду, а потом до позднего вечера забавлялись разными занятиями. Разные занятия — это письмо, азы английского, лепка из пластилина, рисование. К девяти вечера в квартиру заползали измученные родители и отпускали няню на все четыре стороны в темный страшный город.

— Не забудь позвонить нам, когда доберешься домой! — требовали они.

— Я дома, — рапортовала через час наша героиня.

— Ну слава богу, — отзывались на том конце провода.

— Опять стоя заснула? — всплескивала руками тетя Поля. — Ты хоть трубку положи!

— Я нечаянно, — мычала девица.

Через два месяца к внукам переехала бабушка, и семья с большим сожалением распрощалась с няней. Наташа вместо оговоренных пятидесяти долларов заплатила сто и подарила нежно-лиловый шарфик с тонкой вышивкой по краю, Андрей вручил брелок с трехпалым растопырчатым логотипом «Мерседеса»:

— С почином. Будут деньги — приходи к нам за машиной. Мы тебе хорошую скидку сделаем.

— Обязательно! — вздохнула няня. Уходить из этой семьи было очень грустно — за два месяца она успела сильно привязаться к детям.

— Никогда, никогда больше не пойду в няни! — поклялась себе наша героиня и устроилась продавцом в продуктовый ларек. Но ларек плохо отапливался, за окном выюжил ноябрь, и через неделю она слегла с высокой температурой.

— Ты туда больше не пойдешь! — бухтела тетя Поля, облепляя ее со всех сторон кусачими горчичниками.— Ищи другую работу. А в ларек я тебя не отпущу, так и знай!

Устроиться на другую работу не получалось. По объявлениям о найме на неполный рабочий день отзывались какие-то непонятные женщины, которые первым делом интересовались параметрами соискательницы работы — рост, вес, опять же цвет глаз.

— Интим не предлагать,— трепыхалась на этом конце провода девица.

— А мы и не предлагаем,— отзывались елейными голосами женщины,— какой же это интим — работа в сауне? Вы будете обслуживающим персоналом!

Поэтому звонку Али девица очень обрадовалась. И через три дня она вышагивала по Петровке, шарахась от одного ее тротуара к другому, выискивая таинственный дом номер 15/13, владение банка.

— Чтобы в 13.00 была на месте! — предупредила накануне Аля.— Мама говорит — опоздание смерти подобно!

— Я буду там ровно в час.

— Запомни — дом находится за невысокой аркой. Вырнешь под эту арку и вынырнешь к банку. Ясно?

— Угум!

Собирали девицу на собеседование всей честной компанией. Вся честная компания — это сама девица, квартирная хозяйка тетя Поля и соседка Марья Дмитриевна. Долго выбирали подходящий наряд — чтобы солидно и простенько. Остановились на строгой, нежного лимонного цвета блузке и прикрывающей колени юбке. Тетя Поля собственноручно напудрила девицу допотопной, пахнущей бабушкиным сундуком пудрой, Марья Дмитриевна щедро окропила святой водой.

В полдень, истоптав Петровку вдоль и поперек, наша героиня наконец добрела до заветной арки. Дом 15/13 оказался небольшим трехэтажным зданием, обнесенным со всех сторон высоким чугунным забором. За забором угадывались какие-то чахлые кусты и даже скамейки и одна куцая ель породы «голубая». Девица робко толкнула незапертую тяжелую калитку. К входу вела узкая недлинная тропинка.

— Главное, излучать уверенность и спокойствие,— прошептала она, крепко прижала к груди сумку «Shanel» и как можно грациознее ступила на дорожку.

— Ух ты господи! — Выскочил из здания кругленький старичок в длинном вязаном жилете и заправленных в валенки штанах.— Сильно ударились?

— Копчик... ушибла.

— Еще бы, такой кульбит! — Старичок помог ей подняться, нашарил в подтаявшем снегу отлетевшую клокастую шапку.— Аж костями загремела, так навернулась.

— Я к вам на собеседование.— Девушка отряхнула шапку, нахлобучила на голову.— Пораньше пришла, чтобы не ругали за опоздание.

Старичок аккуратно провел ее мимо вертушки (не зацепись тут!), заглянул в сторожевую комнату. Долго шуршал страничками тетради, выискивая в списке фамилию.

— Ты у нас кто? Которая армяночка?

— Да.

— Понаехавшая, значит?

— Понаехавшая, ага. С гор.— Девушка вытащила из сумки платок, протерла сумку. Вздохнула, закручинилась лицом.— Вот, даже не знаю, возьмут меня или нет. Я без опыта работы.

— А ты не будь такой наивной, ничего об этом не говори. Делай вид, что все умеешь и знаешь. Иди воон туда, в третий кабинет.

— Прямо так сразу и идти? — испугалась девушка.

— Ох, горе горькое, пойдем, отведу тебя.

Старик запер коморку на ключ, взял под локоток прихрамывающую девушку и поволок куда-то направо, в плохо освещенный коридор.

— Можно? — Не постучавшись, толкнул дверь кабинета.— Я вам девушку привел, на собеседование.

— Заводи! — откликнулись изнутри низким грудным голосом.— Егорыч, а ты чего ее сам привел, она тебе дала, что ли? — Довольный голос разразился громким хриплым хохотом.

Девушка оторопела.

— Не бойся,— шепнул Егорыч и мягко подтолкнул ее в спину.— Это она так шутит.